

ТАКОЙ ОН БЫЛ ЧЕЛОВЕК

Свою книгу о войне и о себе дед писал всю послевоенную жизнь, но так и не окончил её. Только после его смерти, выполняя данное отцу обещание, моя мама разобрала и подготовила к публикации архивы деда, дополнив их собственными воспоминаниями и размышлениями. Так появилась книга «Доброта и злоба. Пересекающиеся параллели», рукопись которой находится сейчас в одном из московских издательств.

Почему дед решил писать под псевдонимом, почему взял себе фамилию Никитин, неизвестно — в записях объяснений тому нет. Мама же не стала нарушать волю автора. Более того, сама взяла этот псевдоним. Но всё остальное в книге: имена, события, названия городов и посёлков, а главное, мысли, и отношение к жизни — подлинные, «тогдашние». Об этом мама с дедом договорились давно. «Пишите так, как Вы воспринимали события тогда, как думалось, как верилось Вам в те годы, — читаю в одном из маминых писем к деду, датированном январём 1964-го. — Прошу Вас только об одном: пишите правду! Ни слова вымысла, ни тени приукрашивания. Только факты. Делайте пометки, точно ли Вы помните то или иное имя, название, дату. И ещё. Почему Вы решили начать свои воспоминания с нашего наступления? А отступление? Как Вы и Ваши бойцы его переживали? Как это укладывалось в головах Ваших солдат? Ведь все тогда были воспитаны в духе нашей непобедимости, верили в нашу силу... Сейчас мы понимаем: это был героизм. Но тогда, в то время вы его, наверное, и не ощущали. Просто делали своё дело, свою работу — воевали: отступали, наступали, сидели в обороне. Неужели вы не задумывались о том, почему всё происходит именно ТАК?!»

И дед, такой внешне гордый и независимый, на самом деле, оказывается, очень уважал мнение своей дочери-журналистки. А иначе как объяснить, что письмо это он хранил тридцать с лишним лет вместе со всеми своими воспоминаниями?

Дед отвоевал с первого до последнего дня Великой Отечественной, прошёл половину Германии, несколько раз был тяжело ранен, контужен, награждён множеством орденов и медалей. Всё это я знала и раньше. Но и только. Нас, троих его внуков, никогда не хватало дольше, чем на тридцать минут дедовых рассказов о войне. А он, надо сказать, и не настаивал, не претендовал на большее. И уж конечно, не принуждал, понимая, что у нас, малолеток, иные интересы, свои драмы и трагедии. Пожалуй, он был неплохим педагогом (хоть и никогда этому не учился), потому что в его общении с нами всего было в меру: дидактики и игры, воспитания и баловства, подлинности и фантазии, поучения и понимания. Только тогда мы, конечно, всего этого не осознавали, а лишь с удовольствием ходили с ним по грибы, с упоением слушали сказки про Беркута, которые он сочинял, когда столярничал, и иногда с любопытством разглядывали медали на его военном кителе.

Дед умер слишком рано. Мы не успели узнать его — сегодня, читая рукопись, я вижу как будто совсем другого человека. Нет, пожалуй, того же. Только почему-то ярче, чётче, полнее. Вот, оказывается, какой он был человек! — вдруг понимаю я. Вот, оказывается, какая у них была жизнь. Вот, оказывается, какой была их война... Сейчас бы я сказала ему всё это, объяснила, как ценю то, что он и его поколение сделали для моей мамы, для меня и моей дочери. Но... Как всегда, самые нужные и правильные слова приходят слишком поздно. Когда сказать их уже некому...

Вероника Милослав